

INSPIRIA

18+

ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ

МО ЯНЬ

Перевод
Кирилла Батыгина

Чесночные баллады

INSPIRIA

Мо Янь
Чесночные баллады
Серия «Loft. Лучшие
произведения Мо Яня»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73979707

*Чесночные баллады:
ISBN 978-5-04-247101-8*

Аннотация

Райское местечко – наш славный уезд Тяньтан, где выращивают вкуснейшие побеги чеснока. Вот только не заладилось что-то: отказываются местные кооперативы покупать у крестьян-чесночников богатый урожай, упали цены, рухнули мечты о лучшем будущем, разгромили недовольные земляки уездную управу... Что случилось после – и что было до – столь явного беспредела вроде бы на пустом месте? И самое важное: кто именно поплатится в полном соответствии с законом за чесночный бунт?

В отличие от изрядно подгнивших треклятых побегов, «Чесночные баллады» – роман 1988 года, который будущий лауреат Нобелевской премии по литературе «наскоро» сочинил всего за 35 дней, вдохновившись газетными заметками, – сохраняет поразительную свежесть и актуальность и в новом тысячелетии. Это история о трудной любви к ближним, семье,

малой и большой родине. О том, как лучшие устремления приводят нас к гибели. О справедливости, которую хочется, но все не получается найти под Небесами. И о том, что не всякий преступник, судимый «по закону», – обязательно Преступник.

Содержание

Глава 1	6
Раздел первый	6
Раздел второй	17
Глава 2	29
Раздел первый	29
Раздел второй	46
Раздел третий	55
Раздел четвертый	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Мо Янь

Чесночные баллады

Mo Yan

THE GARLIC BALLADS

Copyright © 1988, Mo Yan

All rights reserved

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2026

© Лопатин К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Уважьте братья земляки, прислушайтесь ко мне

*Зовусь Чжан Коу¹ и расскажу о Рае на земле
Там тучные раскинулись поля
Чиста вода бурлящая в реке
Прекрасных девиц и мужей без счету в тех краях
А их чеснок с подливой знают все*

Раздел первый

– Гао Ян!²

В тот полдень солнце жарило немилосердно. Долгая засуха измучила землю, грязная чесночная пыль вилась меж небом и землей, а в воздухе стоял смрад гниющих побегов чеснока. Утомленно пронеслась над двором стая сизых ворон, по земле пробежали блеклые серые тени. Собранные головки чеснока не успели сплести в пучки – беспорядочными кучами они лежали во дворе, жарясь под палящим солнцем и

¹ Как и топонимы, большинство китайских имен, особенно в сельской местности, говорящие и имеют конкретные смыслы. Имя нашего поэта-певца-сказителя можно расшифровать как «Чжан, которому затыкают рот». – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Буквально – «Баран» или даже «Козел». Скрываются ли за этим отрицательные коннотации – открытый вопрос к уважаемым читателям. —

источая нестерпимое зловоние. Хмуря тяжелые, будто при-
давленные судьбой, брови, Гао Ян сидел на корточках под-
ле низкого столика в передней комнате. Он держал в руках
миску с супом из побегов чеснока и пытался подавить тош-
ноту, подступающую из глубины желудка. Только он собрал-
ся против воли съесть содержимое миски, как услышал из-за
полуоткрытой ветхой двери во двор тревожный оклик. По
голосу он понял, что это сельский староста Гао Цзиньцзяо³.
Гао Ян поспешно отставил миску, громко крикнул в ответ и
пошел во двор.

Гао Ян остановился на пороге передней комнаты и позвал:

– Дядюшка Цзиньцзяо, ты ли это? Может, пройдешь в
дом?

Голос за дверью стал мягче:

– Гао Ян, давай уже выходи, срочное дело, надо обсудить.

Не желая быть неучтивым, Гао Ян повернул голову и ска-
зал:

– Синхуа⁴, не трогай ничего, а то обожжешься.

У обеденного столика сидела его восьмилетняя дочка
Синхуа, слепая от рождения. Два неподвижных глаза – чер-
ных, как смола, с тусклым блеском – уставились в пустоту,
девочка была похожа на деревянную куклу. На выходе во
двор раскаленная земля обожгла Гао Яну ноги, горячий воз-
дух ударил прямо в лицо, глаза слезились. Он смахнул с гру-

³ Буквально – «Золотой рог».

⁴ Буквально – «Абрикосовый цвет».

ди засохшую глину и услышал крик новорожденного. Приходившая в себя после тяжелых родов женоушка что-то бормотала, лежа на *кане*⁵. «Хорошо, что мальчик родился!» – Подумал он это с удовлетворением, вглядываясь в черный провал окна. Юго-западный ветер дохнул опаленным ароматом подоспевшей пшеницы, пора бы уже жатву начинать. Сердце Гао Яна вдруг отяжелело, по спине пробежал холодок. Очень хотелось придержать ноги, но те сами собой понесли его вперед. Едкая вонь побегов и головок чеснока разъедала глаза, текли слезы. Гао Ян провел рукой по глазам, зная, что не плачет. Просто слезы текут.

Открывая ворота, Гао Ян начал было:

– Дядя, что такое... Мать твою...

Перед глазами заколыхались бирюзовые полосы, точно запорхали в воздухе неисчислимые свежие побегов чеснока. Удар пришелся по лодыжке правой ноги – удар внезапный, тупой, тяжелый, – будто рваной болью по сердцу и печени прошелся он. Прикрыв глаза, Гао Ян неясно ощутил, как рот его издал истошный крик, тело невольно накренилось вправо, и тут же удару подвергся крюк левой ноги. Гао Ян завopil, тело выгнулось и необъяснимым образом само преклонилось на каменных ступенях перед воротами. Он хотел открыть глаза, но веки отяжелели – едкая вонь побегов и голо-

⁵ Традиционная кирпичная или глиняная отапливаемая лежанка в крестьянских домах на севере Китая. Спальные места на печах в русских домах – близкий аналог *кана*.

вок чеснока невыносимо щипала глаза, выбивая из них беспорядочные слезы. Гао Ян знал, что не плачет. Только хотел он поднять голову и утереть глаза, как две ледяные шутовины опустились ему на запястья, в глубинах обеих ушей легко отозвались два звонких лязга, в башку будто всадили две стальные иглы.

Много времени прошло, прежде чем Гао Ян смог открыть глаза, сквозь смутные слезы – я же не плакал, подумалось ему, – он увидел двух дюжих полицейских в белых рубашках и зеленых брюках с красными лампасами. Сначала Гао Ян увидел их бедра и колени: верхняя часть зеленых брюк была в каких-то белых разводах, нижний край белых рубашек – в грязных подтеках, на широченных коричневых ремнях из искусственной кожи висели пистолеты и черные электродубинки, бляхи на ремнях отливали железным блеском. Он поднял глаза и увидел бесстрастные, совсем без эмоций лица. Не успел он и слова вымолвить, как полицейский слева ткнул ему в лицо белый лист с красной печатью и тихо, слегка заикаясь, сказал:

– Т-ты... Ты арестован.

Только тут Гао Ян понял, что его черные, как сажа, запястья сдавили сразу бросавшиеся в глаза стальные кольца. А между ними висела тяжелая белая цепь – она медленно качнулась, когда он вздернул руки. Вся кровь в нем будто свернулась от потрясшего его от макушки до ступней трескучего мороза и продолжала вяло, скованно вращаться в нем.

Сжалось все его тело, втянулись внутрь оба яичка, кишка нервно перекрутилась, пролилась холодная моча, он почувствовал, что обоссался. Хотел удержаться, но не тут-то было. Услышал Гао Ян непонятно откуда летевшие слезные пере­ливы скрипочки-хуцинь⁶, все мышцы в теле разом обмякли, тело обвисло. Прохладная моча полилась по бедрам, увлаж­няя ягодицы и загрязняя мозолистые ступни, он же стоял на коленях. Гао Ян слышал, как брызгалась и плескалась моча в мотне штанов.

Полицейский протянул холодную, как лед, руку, схватил его за локоть, дернул вверх и, все так же заикаясь, сказал:

– В-в... вс-ставай.

Совсем одурев, Гао Ян хотел было ухватиться за руку по­лицейского, стальные кольца на запястьях отдались смешли­вым «хи-хи-хи». Хихикали стальные кольца и заодно впива­лись в плоть. В панике Гао Ян ослабил хватку, повернул ру­ки ладонями вверх, словно держал хрупкое сокровище.

– В-в... вс-вставай, – снова раздался в ухе торопливый го­лос полицейского. Гао Ян сделал усилие ногами и стал под­ниматься, но тотчас ноги уперлись в землю, лодыжка будто вспыхнула огнем, боль поразила его взрывной огненной вол­ной. Тело подкосилось и снова осело на колени поперек ка­менных ступеней.

Полицейские подхватили Гао Яна под мышки с обеих сто-

⁶ Традиционный смычковый инструмент, обычно с двумя струнами. Нередко условно обозначается как «китайская скрипка».

рон и подняли. Его ноги сжались, будто пружины, а щуплое тело безвольным маятником повисло на руках полицейских.

Полицейский справа, согнув колено, коротко вдарил Гао Яну по задку, боль в лодыжках куда-то ушла. Гао Ян дернулся, ноги опустились, встали на землю. Полицейские ослабили хватку, и заикающийся страж порядка тихо сказал ему:

– Ш... шевелись, пош... пошел.

Голова кружилась, и, хотя Гао Ян знал, что не плакал, горючие слезы ключом рвались наружу – все вокруг было как в тумане. Полицейский снова подтолкнул его. От тяжести вгрызавшихся в запястья наручников Гао Ян вдруг понял, что произошло. Он набрался мужества, привел в движение онемевший язык и, не осмеливаясь спрашивать полицейских, жалко уставился на стоявшего в сени завядшей софору сельского старосту Гао Цзиньцзяо.

– Дядя Цзиньцзяо... Почему меня схватили?... Я ничего дурного не делал...

Причитая, Гао Ян сознавал, что плачет, но слез не было, глаза пересохли и горели. Взывал он к обманом выманившему его со двора старосте. А староста спиной прислонился к дереву и, точно допрашиваемый старшими мальчишка, непроизвольно бился спиной о ствол софоры, лицо его перекосилось.

– Дядя, я ничего не нарушал, зачем ты меня обманом выманил? – крикнул Гао Ян. На плешивой голове старосты замерли, не желая проливаться вниз, крупные капли пота, ска-

лил он рот, полный желтых зубов, словно готов пуститься наутек, словно готов был завывать.

Полицейский снова вдарил коленом Гао Яну по задку, поторапливая его. Тот вывернулся, посмотрел в лицо полицейскому, проговорил:

– Товарищ... Начальник... Может, по ошибке вы меня взяли? Меня зовут Гао Ян, вы точно ошиблись...

Полицейский-заика отозвался:

– З-за т-тобой мы п-пришли!

– Но меня зовут Гао Ян...

– А мы за Гао Яном и п-пришли!

– За какое прегрешение вы меня хватаете?

– В середине дня 28 мая этого года ты повел бунт против уездной управы! – бойко отозвался Полицейский-заика.

У Гао Яна перед глазами все потемнело, а голова устремилась к земле. Когда полицейские его подняли, он с поблекшим взглядом малодушно спросил:

– Так это преступление?

– Конечно же, преступление. Вперед!

– Но я же не один такой, много там народу было...

– И ни один от нас не скроется!

Гао Ян опустил голову, думая, как бы половчее расшибить себе башку о стену дома, но двое полицейских – один слева, другой справа – удерживали его, так что он и пошевелиться не мог. Как сквозь сон донеслась до него волнуяще скорбная песнь слепого Чжан Коу:

В десятый год республики⁷, слышал,
В уезд Тяньтан⁸ пришел юнец-нахал,
Невесть откуда красный флаг достал
И беднякам все подати оставить приказал
Глава уезда в Гаотуань⁹ всю солдатню послал
Когда поймали Гао Дай¹⁰, казнить его решил
А тот стоял грудь колесом в глазах огонь сверкал
Все коммунисты что твой лук – дорезать нету сил

В животе у Гао Яна стало жарко, ноги обрели некоторую силу, губы задрожали, а в голове возникла чудная мысль – безудержно захотелось выкрикнуть какой-нибудь лозунг. Глянув вбок, Гао Ян уперся взглядом в алый герб на фуражке полицейского и тут же ощутил стыд, позор, поспешно опустил голову, выпрямил руки и пошел вперед вместе со стражами.

⁷ Эта деталь позволяет нам установить точный год. После развала Китайской империи, с образованием Китайской республики был введен новый «республиканский календарь», где каждый год отсчитывался от 1 января 1912 года. Соответственно, «десятый год по республике» – 1921 год.

⁸ Буквально – «Рай», или «Парадиз», причем не в христианском смысле, а скорее как небесная обитель, сфера обитания всевозможных богов и духов.

⁹ Наиболее вероятно, это родовое поселение, где живут представители местного клана Гао. – *Прим. перев.*

¹⁰ Буквально – «Великая справедливость». У китайцев, особенно мужчин, могут быть разнообразные дополнительные имена, которые обыгрывают те или иные обстоятельства их жизни. В данном случае весьма вероятно, что поэт-песенник придумывает некому из рода Гао такое прозвище.

За спиной раздался шорох, и, вывернув шею, Гао Ян увидел, как дочка Синхуа, сжимая в руке бамбуковую палочку с выжженным пожелтевшим орнаментом, нащупывала дорогу. Девочка дошла до каменных ступеней у ворот, стук ее палочки был отчетливым, прямо колот сердце. Рот Гао Яна непроизвольно скривился, и потекли вдруг горячие слезы. Он знал, что разрыдался. Он хотел подать голос, но в горле будто застрял раскаленный ком.

Синхуа была нагая выше пояса, на ней были алые трусики, а на ногах – красные пластиковые туфельки, шнурки которых уже несколько раз рвались и теперь вместо них болтались черные толстые нитки. На животе и шее девочки пятна пыли, на остриженной по-мальчишески ежиком головке настороженно оттопырились два белых уха. Гао Ян через силу сглатывал подступивший к горлу ком, но тот все не сглатывался.

Синхуа высоко задрала ногу – Гао Ян никогда не обращал внимания, какие длинные стали у дочки ноги, – и перешагнула через порог, встала на каменную ступень, где он только что стоял на коленях. Девочка легко опиралась на палочку – та возвышалась над ее головой на треть метра, – и он с удивлением заметил, что дочь подросла до половины дверного косяка. Гао Ян все сглатывал тот вязкий горячий ком, наблюдая, как дочь трет непроглядно темные глаза на сероватом, как отверстие печки, личике. В этих глазках почти не было белизны, стояла в них гнетущая чернота лесной чащи.

Девочка слегка склонила голову, выражение ее лица вдруг стало не по годам взрослым. Сначала она, как бы спрашивая, позвала:

– Па-ап?..

Потом во все горло:

– Папа!

Гао Ян все пытался проглотить этот ком, перегородивший горло, вместе со стекавшими в рот слезами. Полицейский-заика неуверенно толкнул его и тихо проговорил:

– Б-быстр... Быстрее... М-может, через несколько дней отпустят...

Гао Ян уставился на слегка заискивающее лицо Заикающегося полицейского, и у него разом содрогнулись желудок и гортань, верхняя и нижнюю челюсть сами по себе раздвинулись, извергая белую пену и синеватые нити слюны, горло очистилось, и он, ухватившись за этот самый миг, крикнул:

– Синхуа!.. Маме скажи...

Ком снова подступил к горлу, не дал ему договорить.

Гао Цзиньцзяо, сгорбившись, подошел к каменным ступеням и сказал девочке:

– Иди домой, скажи маме, что твоего папу забрали в полицейский участок.

Гао Ян увидел, как дочь осела и плюхнулась на порог, от того, как резко она села, тело завалилось назад, но девочка тут же оттолкнулась одной рукой от земли, а другой она оперлась на палочку и взметнулась, точно прыгунья. Ему

оставалось только смотреть, как у дочери раскрывается рот, будто она кричала. В ушах у Гао Яна волнами накатывал гром, и ничего другого он уже не слышал. Он ощутил, как подступает тошнота. Дочь беззвучно и бешено скакала, напоминая отстеганную плетью и понукаемую железной цепочкой обезьянку. Резной палочкой она колотила по каменным ступеням, била по прогнившему дверному косяку, ударяла по усохшей земле, пока на той не проступили белые вмятины.

Со двора послышался крик жены. Полицейские рывкнули в один голос:

– Староста Гао, вперед – показывай дорогу!

И затем безо всяких разъяснений стражи вцепились в локти Гао Яна и потащили его волоком, точно нашкодившего хилого озорника, в дальний угол деревни.

Раздел второй

Гао Яна так грубо тащили, что сердце его колотилось, дыхание сбилось, а все тело залил вонючий пот. Встав на ноги, он глянул на черневшую вдалеке софоровую рощу. С западной стороны рощи виднелся домик на три комнаты из красного кирпича под черепичной крышей. Гао Ян сам редко бывал в дальнем углу деревни и не знал, чье это жилье. Полицейские доволокли его до софоровой рощи и выпрямились, переводя дыхание. Гао Ян заметил, что у них пропотели плечи и рубашки под ремнями, – в душе его шевельнулись уважение и жалость. Ссутулившись, Гао Цзиньцзяо зашел в рощу и тихо проговорил:

– В домике... Я подкрался к окну, там на *кане* развалился и дрыхнет...

– Как... Как к нему подступиться? – Полицейский-заика посмотрел на товарища. – Пускай его снова выманивает староста Гао? Этот паренек из служивых, боюсь, мы так просто его не возьмем.

Гао Ян сразу догадался, кого они собирались схватить. Гао Ма¹¹, они точно пришли за Гао Ма! Он с отвращением глянул на плешивого Гао Цзиньцзяо: как жаль, что нельзя вырваться и вцепиться ему в глотку. Но ярость тут же пошла на убыль, и Гао Ян пожелал, чтобы полицейские нахватали по-

¹¹ Буквально – «Конь».

больше народу ему за компанию. Если нахватают побольше мужиков из всей деревни, то и жене на сердце будет легче, подумал он. Пускай уж хватают Гао Ма, и в тюрьме должен быть глава, а Гао Ма – лучший голова из всех возможных.

– Не надо, вломимся и схватим его, а если что – дубинками повалим! – отозвался второй полицейский.

– Начальник, если я больше не нужен, то я пойду, – выдавил из себя Гао Цзиньцзяо.

– Как так – не нужен? За ним смотри!

Гао Ян с ненавистью поглядел на Гао Цзиньцзяо.

– Начальник, не выйдет, я за ним не усмотрю, того и гляди убежит, я на себя такую ответственность брать не хочу. – Гао Цзиньцзяо посмотрел на Гао Яна, но тут же отвел взгляд в сторону.

Полицейский-заика вытер рукавом пот на лице.

– Гао Ян, с-сбежишь, а?

Сердце Гао Яна вмиг обуял злобный огонь, и он вдруг буркнул сквозь зубы:

– Сбегу!

Полицейский-заика захихикал, обнажив два острых, как у тигра, клыка.

– Т-ты слышал, он б-бежать с-собрался! К-куда б-бежать монаху от обители...

Полицейский-заика достал из кармана сверкающий ключик, повозился между наручников и со скрежетом снял их. Полицейский смерил Гао Яна довольной улыбкой. Гао Ян

потрогал оставленные въедливыми наручниками пурпурные следы, и его накрыла волна признательности. Он снова пустил слезы. И мысленно настойчиво призвал себя: только отплакался – и снова за слезы, а вроде как не плакал.

Гао Ян с надеждой посмотрел снизу вверх на полицейского и спросил:

– Товарищ полицейский, значит, мне можно домой?

Полицейский переспросил:

– Домой? Домой мы тебя доставим когда-нибудь, но не сейчас.

Полицейский-заика подмигнул напарнику, тот зашел Гао Яну за спину и резко толкнул его, да так, что Гао Ян ударился о софору. В тот миг, когда нос больно ударился о шероховатую кору, Полицейский-заика схватил его за обе руки, и, не дожидаясь реакции Гао Яна, стальные кольца снова опустили ему на запястья. Остался Гао Ян стоять в обнимку с софорой толщиной с приличную миску, не имея возможности видеть свои руки. Наручники приковали его к дереву. В ярости Гао Ян стукнулся лбом о софору, зашелестела листва, взлетела цикада, шею обдало ее студеной мочой.

Донесся голос полицейского-заики:

– Т-ты разве не б-бежать с-собрался? Ну и беги, д-дерево с с-с-собой з-забери, т-ты с д-деревом в об-обнимку б-беги!

Гао Ян выгибался всем телом, твердые и острые шипы софоры впивались в живот, казалось, будто пронзали и кишки, он почувствовал, как резко те дернулись. Чтобы отделаться

от иглы в животе, ему пришлось что есть силы рвануть назад обе руки, преодолевая боль от вгрызавшихся в запястья пружинных оков. Выгнув спину и свесив голову, Гао Ян увидел, как черно-красная игла вышла из его живота, на кончике ее висел завиток белых волокон. Из дыры в животе медленно просочилась капля крови, тоже черно-красная, такого же цвета, что и плоды софоры. При опущенной голове Гао Ян также заметил, что обмоченные подштанники уже наполовину просохли, а края мочи образовали изломанный узор, похожий на скопление облаков на горизонте. Взгляд упал на правую щиколотку – она разбухла и посинела, изодранная кожа гармошкой собралась сбоку от шишки, сильно напоминала сброшенную белой змеей шкурку.

Гао Ян вывернул тело, уворачиваясь от шипа, и ненавистным взглядом стал следить за тем, куда направлялись ноги полицейских. Четыре обутые в кожаные ботинки ноги были присыпаны спереди обильной пылью, но все равно блестели на свету. Гао Ян подумал, что если бы они были в матерчатой обуви, то нога не опухла бы так сильно. Он подвигал ногой, и та отозвалась острой, жгучей болью надтреснутого сустава. Глаза заволокли слезы, но он продолжал убеждать себя: «Гао Ян, ты слезы пролил, но еще не плакал!»

Двое полицейских, один с пистолетом наготове, другой с черной дубиной наперевес, крадучись подбирались к дому Гао Ма.

Восточная стенка двора Гао Ма наполовину обвалилась,

остались только кирпичи цоколя высотой с полметра, полицейские без труда перешагнули их. Двор был как на ладони: два поникших листвой айланта у основания западной стены, под их сенью лежало, тяжело дыша, несколько кур, по земле разлился серебром солнечный свет. Сияние, напоминавшее накаленную фольгу, расстилалось по нагроможденным во дворе гнилым побегам чеснока. Над кучей поднимался едва заметный белый пар. Гао Яна затошнило, хотелось выблеваться. После того как в прошлом месяце цены на побегии упали, у него эти тонкие, длинные, блестящие штучки стали ассоциироваться с аскаридами, которых иногда обнаруживаешь в кале, и чем больше было его отвращение, тем навязчивей вставал перед глазами образ. Котелок с пробитым дном прикрывал окно.

Гао Ян увидел у окна державшегося за дубинку Полицейского-заику. Тот, вытянув шею, заглядывал внутрь. За окном находился *кан*. А на *кане* лежал Гао Ма. Староста Гао опять припал спиной к дереву, ритмично ударяясь о него. Грязные белые куры лежали под палящим солнцем на засохшем разнотравье, распластав крылья и просушивая перья. «Куры крылья греют – дождь через три дня», – эта мысль принесла Гао Яну утешение, он скосил взгляд и стал смотреть на прорезавшие небо перекрещенные ветви софоры. Небо виделось лазоревым, опадая с него бурным дождем пурпурный солнечный цвет, ни облачка. Зашевелились куры, лапками разметая солому. Второй полицейский встал позади По-

лицейского-заики, держа ярко-синий пистолет наизготове и распахнув рот, будто не дышал.

Гао Ян опустил голову, вытер о кору дерева проступивший на лбу холодный пот. Полицейские переглянулись, затем начали подбадривать один другого, словно уступая дорогу. Гао Ян тут же догадался, к чему все эти расшаркивания. Они, кажется, решились. Полицейский-заика подтянул ремень, второй полицейский сомкнул рот, издалека его губ не было видно – только напряженно блестящая ниточка рта. Гао Цзиньцзяо выпустил прямо на софору долгий пук. Тела полицейских напряглись, сейчас они напоминали готовых кинуться на мышь бенгальских котов.

– Гао Ма, беги! Полиция! – громко выкрикнул Гао Ян.

Как только слова покинули его, все тело охватил озноб, а зубы застучали друг о друга. Он понимал, что испугался, раскаялся, и в дрожь туго сдвинул губы, полными надежды глазами наблюдая за разворачивавшейся картиной. Полицейский-заика обернулся, нога его зацепилась за котелок с пробитым дном, страж порядка споткнулся, но не рухнул. Второй полицейский вздернул пистолет и рванул к дверям. Полицейский-заика бросился вслед за напарником. Отозвалась хрустом пробиваемая дверная створка, грохнула о стену.

– Руки вверх!

– Руки вверх!

Гао Ян с глазами, полными слез, уговаривал себя:

– Я не плачу... Я не плачу...

Он почти что видел, как два блестящих стальных кольца опустились на плотные запястья Гао Ма, точно такие же стальные кольца, как у него на запястьях. Обе руки вспухли, ощущались тяжелыми, через софору было не разглядеть руки, но он чувствовал, как, подобно газу, вздувалась в руках свежая кровь, готовая в любой момент струей пробиться через кожу.

В помещении начался хаос, с лязгом открылось окошко. Мелькнула черная тень, и он увидел, как Гао Ма в одних штанах цвета травы плюхнулся на пробитый котелок. Но тут же перевернулся и встал на четвереньки. Пополз вперед. Движения были неуклюжи: зад высоко торчком, всеми четырьмя конечностями припал к земле, он сильно напоминал только что выучившегося ползать на четвереньках малыша, который вздумал сесть на горшок. Гао Ян крепко сжал губы, а в самой глубине головы не он, а какой-то другой человек говорил ему:

«Ты не смеешься, понимаешь ты или нет, ты не смеешься».

Не плача и не смеясь, Гао Ян в слезах дождя на непокрытой голове, придававших ему сходство с крупным ежом, босыми ногами стоял на улице. После сильного ливня массивные обрывки облаков пропустили золотистый солнечный луч, свет заструился с западной стороны Неба, на восточной стороне Неба выглянула дуга радуги, журчала по улице вода,

а по воде плыла куриным пухом, чесночной шелухой мертвая мышь. Группка голозадых мальчишек остановилась рядом с черной кучей навоза, ивовыми прутьями и палками ребятишки легонько хлещут по спине лягушки, та надувает брюхо, жмурится, вытягивает лапы, пузо вздувается котелком.

Котелок пытит.

Пытит.

Быстрее тяните, быстрее бейте, быстрее тяните, быстрее бейте!

Паф! Лягушку разорвало.

Ты не плачешь, ты не смеешься, Гао Ян!

Радуга исчезла, небо посинело, солнце разгорелось пламенем.

Паф!

Полицейский-заика выпрыгнул из окна, тяжелый кожаный ботинок ударился о пробитый котелок, и нога попала в крупную брешь. Приподнялся страж порядка: одной ногой в котелке, а другой терся о его край, одной рукой сжимал черную дубинку, а другой уперся в землю.

Котелок пытит!

Пытит!

Второй полицейский выбежал из дверей и, держа в руке пистолет, проорал:

– Вставай! Вставай! Побежишь – пристрелю!

Но стрелять не стал. Гао Ма ловко перемахнул через раз-

рушенную стенку, в несколько шагов проскочил проход, отправив в испуганный полет сидевших в зарослях и гревших крылышки на солнце кур – с кудахтаньем они понеслись за Гао Ма. Фуражка Полицейского-заики зацепилась за оконную раму, упала на подоконник, потом на задницу владельцу, покатила по земле и легла прямо под ногу напарнику.

Державший пистолет на взводе полицейский ударом ноги пнул фуражку, та отлетела метров на пять, за разрушенную стену. Полицейский-заика поднял дубинку, застучал по котелку, полетели в разные стороны осколки металла – зазвенел котелок. Гао Ян смотрел, как страж порядка осторожно вынул ногу из котелка. Промелькнула у Гао Яна мысль: окорок из полицейского. Полицейский-заика подобрал и нахлобучил фуражку на голову и тоже перепрыгнул через развалины.

Гао Ма уже несся через софоровую рощу. Гао Ян изо всех сил вывернул шею и следил за тем, как отступал Гао Ма. А у того и руки, и ноги были неловкие. Гао Ма точно ослеп. Он чуть ли ни на каждом шагу спотыкался, да заодно на бегу оборачивался, врезаясь в деревья: тонкие – шатались, толстые – с треском лупили его. Гао Ян тревожился за Гао Ма. Что же это ты бежишь так медленно? Полицейские тебя нагонят! Гао Ма, чего же твои длинные ноги и крупные руки не уносят тебя подальше! Не находя себе места, Гао Ян наблюдал, как под пестрыми тенями белых акаций неторопливо скользила белыми и желтыми световыми пятнами бурая

кожа Гао Ма, меж ногами у него, точно узда у здорового коня, болталось что-то, напоминающее аркан. Неуклюже метались руки, точно он с буром возился. К чему ты головой вертишь? Вот же олух! Гао Ма скалил зубы и вытягивал морду – ну вылитый конь.

Полицейские один за другим мчались по софоровой роще. Полицейский-заика чуточку прихрамывал на правую ногу, это котелок куснул – и поделом! На лодыжке у него точно шов разошелся, сочилась оттуда острая боль, вот и поделом, поделом! Где-то в голове, в самой глубине ушей, Гао Яна отдавался скрежет зубов.

– Стой! Мать твою, стой! Еще шаг – пристрелю! – проорал полицейский с пистолетом, но не выстрелил. Согнувшись и придерживая оружие, он несся от одного просвета между деревьями к другому, вприпрыжку минуя их, как проворный заяц.

На краю софоровой рощи стояла глинобитная стена в человеческий рост высотой, стену покрывали сплетенные из пшеничной соломы циновки от дождя. Гао Ян изогнулся всем телом и увидел, что Гао Ма добежал до стены и замер в растерянности. Полицейские приближались, оба уже вскинули пистолеты и кричали:

– Не двигаться!

Гао Ма припал к стене, через щели между зубами у него сочилась кровь, правое запястье было заключено в стальное кольцо, с которого свисала цепь, а с нее – еще одно сталь-

ное кольцо. Полицейский успел нацепить наручники Гао Ма только на одну руку.

– Стой, не дергайся! Поздно сопротивляться аресту, контрреволюционная падла!

Сдвинулись стражи плечом к плечу, шаг за шагом продвигались вперед, нога Полицейского-заики все так же чуток волочилась.

Гао Ян задрожал, а с ним задрожали и листочки софоры. Он не осмеливался смотреть на все более отдалявшееся от него лицо Гао Ма. Белые силуэты полицейских слились с бурным лицом Гао Ма и черными листьями софоры в единую картинку на общем желтом фоне.

Того, что произошло далее, Гао Ян предугадать никак не мог, не ожидали и полицейские. Гао Ма молнией устремился к земле, загреб две пригоршни пыли и метнул их в лица стражам порядка, полетела пороховым дымом желтая пыль, полицейские машинально вздернули руки, чтобы защитить глаза, и тела их завалились назад, будто выпали из картины происходящего. Гао Ма развернулся, ухватился обеими руками за верхушку стены, подтянулся, встал на стенку. Два выстрела – два клубочка дыма вспорхнули к стене, и Гао Ма с женоподобным визгом повалился на другую сторону.

Взвизгнул и Гао Ян, головой ударяясь о ствол.

Пронзительный девичий плач пролетел через софоровую рощицу за домом Гао Ма.

За софоровой рощей находилась почти развалившаяся

песчаная насыпь, за насыпью – раскустившиеся на берегу заросли многоветвистого гребенщика, за берегом – обезвоженное русло реки, за обезвоженным руслом – снова раскустившиеся заросли многоветвистого гребенщика, а еще дальше – скрытый белыми тополями двор волостного правительства и ведущая в уездный центр асфальтовая дорога¹².

¹² Для понимания важно обозначить следующее: волость – одна из низших административных единиц Китая. Над волостями стоят уезды, составляющие различные единицы окружного значения, которые, в свою очередь, входят в административные единицы провинциального уровня.

Глава 2

*Хрустящим длинным чесноком богат Тяньтан-
уезд*

*И мясо с луком, с имбирем никто у них не ест
Сади чеснок, продай чеснок – озолотишь семью
Скрошишь обновку, купишь дом, найдешь себе
жену*

*Слова из отрывка песни, исполненной слепцом Чжан
Коу как-то летом 1986 года*

Раздел первый

После распроданных без остатка побегов повисли под стрехами непрерывной чередой плетеных кос головки чеснока¹³. С окончанием сбора урожая пшеницы отмолотили и просушили зерно, что нужно было убрать в чаны, убрали в чаны, что нужно было убрать в кувшины, убрали в кувшины. Гумно в дверях дома четвертой тетушки¹⁴ под вечер вы-

¹³ Здесь имеет смысл остановиться и пояснить, почему важны именно побеги чеснока. Чеснок в целом – одна из первооснов китайской кухни. Побеги, или стрелки, чеснока – цветоносные стебли чеснока, которые срезаются для лучшего роста луковиц. Побеги сами по себе считаются популярным деликатесом и активно используются в Китае. В частности, родная провинция Мо Яня Шаньдун – одно из мест выращивания чеснока.

¹⁴ В Китае есть специфическая склонность ранжировать множество родственников по порядку рождения. Соответственно, обращение «четвертая тетушка»

мели дочиста, несколько стожков пшеничной соломы чернеют под пронзительным светом звезд, распространяя вокруг дивный аромат. По полям рассекал свежий ветерок шестого месяца¹⁵, и – вопреки стеклянному плафону – все колыхались язычки пламени в походном фонаре, бились с тихим треском о колпак зеленые букашки. Никто на все это внимания не обращал, а Гао Ма обратил. Под тихим светом люди сидели на корточках или стояли, все глаза были обращены к сидевшему на табуретке спиной к фонарю слепому Чжан Коу. Золотистый свет лампы придавал краски непроглядной смоли усохшего лица Чжан Коу, заставляя искриться, подобно крашеной глазури, высокие скулы.

«Сегодня вечером я непременно возьму ее за руку! – Так с волнением думал Гао Ма, тело его прохладными порывами охватывало чувство счастья. Он покосился на стоявшую от него всего в трех шагах Цзиньцзюй, дочь четвертой тетушки¹⁶. – Я непременно возьму ее за руку, точно так же, как Жюльен Сорель той прохладной ночью дожидался колокольного звона, а когда колокол отзвенел девять раз, отважно,

дает нам понять, что женщина – четвертый ребенок в семье.

¹⁵ Китайский лунный календарь – традиционная система исчисления времени, где начало каждого месяца отсчитывается по новолунию, а новый год приходится на первое новолуние после зимнего солнцестояния. Кроме того, в Китае действует система деления года на 24 сельскохозяйственных сезона. Современные китайцы фактически параллельно живут по обоим календарям. Так, традиционные праздники по-прежнему отсчитываются по лунному календарю. Если не указано иное, то в романе подразумевается именно лунный календарь.

¹⁶ Буквально – «Золотая хризантема».

презирая смертельную опасность, схватил за руку жену мэра города¹⁷. Как только Чжан Коу выведет первый аккорд, выжду, пока Чжан Коу не споет первую строфу песни, тогда и схвачу ее за руку, крепко-накрепко схвачу, крепко-накрепко зажму, так что она и пальчиком шевельнуть не сможет! Ее лицо круглое-прекруглое, круглое-прекруглое, как корзинка подсолнуха, и будто окрашенное нежным золотом лепестков подсолнечника. Ростом она уродилась невысокой, зато телом крепкая и здоровая – точь-в-точь теленок. Ей уже двадцать лет. Надо шевелиться. Тепло от ее тела уже достигло моего тела. Чжан Коу кашлянул. Гао Ма сдвинулся на шаг в сторону к Цзиньцзюй. Двинулся он неприметно, а глаза его, как и глаза остальных собравшихся, все смотрели на Чжан Коу. Но ни единого слова песни, которую завел Чжан Коу, он не расслышал».

Свежий запах лошадиного навоза пронесся над гумном. Бегал у края гумна, цокая копытами, жеребенок цвета красного финика. Временами он озорно пофыркивал. Мерцали звезды, плотным и податливым, даже пушистым, казался небосвод, скрипом отдавалась усердно поднимавшаяся на полях кукуруза. Все разглядывали Чжан Коу, кто-то бормотал себе под нос. Выпрямив спину, Чжан Коу одной рукой выкручивал рычажок на *эрху*, а другой проходил по струнам, извлекая из них глухой шо-

¹⁷ Имеется в виду эпизод из созвучной – в свете обстановки глав 2–9 «Вечер в деревне» классического романа «Красное и черное» Стендаля (1830).

рох, пока звук не выправился, став округлым и плавным¹⁸. Сердца всех сжались, будто в ожидании чего-то. Затрепетали ресницы во впалых глазницах Чжан Коу, вытянулась шея, запрокинулось усохшее лицо – будто он в созвездия вглядывался.

Гао Ма еще на шаг приблизился к Цзиньцзюй. Он слышал ее тихое дыхание, ощущал жар ее упругого тела. Его рука, точно мордочка трусливой зверушки, робко потянулась вперед. Сидевшая на высоком табурете перед Цзиньцзюй четвертая тетушка кашлянула, и Гао Ма охватил приступ холодной дрожи. Все его тело враз взмокло, он тотчас втиснул ту самую руку в карман штанов, будто от нетерпения, повел плечами и одновременно, уклоняясь от света фонарей, спрятал лицо в тени башки коренастого детины средних лет, находившегося поблизости.

Плачем отозвалось *эрху* Чжан Коу, однако плач это был кроткий, гладкий и складный, как моток шелка, нежно считал он накопившийся в сердцах людей осадок. Все наблюдали, как напыщенно открывается рот Чжан Коу, и, наконец, из того широко распахнутого рта, будто из дыры, понеслась сиплая, торжественная песня.

Суть песни есть (это слово «есть» высоко поднимается, неспешно опускается, словно предлагая всем последовать за ним, проскользнуть в ту трещину между мирами, где мож-

¹⁸ *Эрху* – основная разновидность уже упоминавшегося *хуциня*. Примечательная особенность – смычок закреплен между двумя струнами.

но помечтать с закрытыми глазами) – суть есть в том, что весенним ветром повеяло от третьего пленума ЦК КПК¹⁹, – не будет больше народ уезда Тяньтан страдать от нищеты – *эрху* повторяет простенький мотив, в толпе раздаются тихие смешки. Это все смеялись тому, как знатно раскрыл в песне рот Чжан Коу: в него легко можно было бы засунуть булочку. Не знал этот слепой выродок, насколько огромный у него рот. Услыхав, как засмеялась Цзиньцзюй, Гао Ма вообразил себе ее веселое личико. От смеха у нее задрожали ресницы, от смеха у нее обнажились зубы, сияя белым фарфором. Он не удержался, вывернул шею, голова склонилась набок. Цзиньцзюй напряженно слушала песню Чжан Коу, ресницы ее вовсе не дергались, а губы были плотно сжаты, ни одного зуба не видно. Очень суровая она, и это суровое личико вызвало в его душе чувство неловкости, словно он опростоволосился.

Уездная управа призывает всех нас сажать чеснок – снабженческо-сбытовой кооператив принимает побег чеснока на вес – за килограмм побегов чеснока дают два юаня с мелочью – покупаемые побег чеснока отправляются на холодильный склад – вот же оживленная у нас торговля будет,

¹⁹ Третий пленум ЦК КПК 11-го созыва, прошедший в декабре 1978 года. Мероприятие положило начало политике реформ и открытости – читай: курс на встраивание КНР в международную капиталистическую систему и отход от коммунистических идеалов, предположительно мотивировавших последние десятилетия жизни в Китае, в том числе «культурную революцию».

когда наступит пора отмечать праздник Весны...²⁰ Чжан Коу вовсе не боится разевать рот, хоть и хихикают обычно над ним. Да и толпа давно уже как привыкла к широко открытому рту Чжан Коу, никто и не смеется, видимо, прилежно внимают все словам песни. Продадим побегу чеснока и заработаем всем на радость много денег – поджарим свиные, растянем блинчик и добавим к нему лука-батуну – живот у матушки Чжан станет с парильный чан – шутки в сторону: это она ребеночка взлелеяла! Все собравшиеся безостановочно хохочут, а какая-то девчушка хнычет: проклятый слепой Чжан Коу! У старшей сестрицы Ли так все вздулось, что она горячей похлебкой из кишок давится – а-ха-ха-ха, женщины согнулись в три погибели.

Согнулась в три погибели и Цзиньцзюй. Гадкий Чжан Коу, ты бы поприличнее выражался! Согнулась ты в три погибели и крепкую твою задницу – под тонкими штанами очертания трусиков – днем, когда ты мотыгой орудовала, собирая бобы, я разглядел. А теперь спой нам из *«Красной скалы»*²¹,

²⁰ Также *Чуньцзе*, или Китайский Новый год, по лунному календарю. Китайцы условно отмечают и новый год по григорианскому календарю, однако праздник Весны, выпадающий на один из дней с 21 января по 20 февраля, остается главным торжеством в стране.

²¹ Подразумевается одноименный роман 1961 года, написанный в соавторстве Ло Гуанбином (1924–1967) и Ян Иянем (1925–2017). Произведение основано на истории Цзян Чжунюнь (1920–1949), реальной революционерки, которая погибла в плену, не выдав никого из товарищей даже под пытками. В романе ее зовут Цзян Сюэцин, или буквально – «Снежная цитра». Здесь проявляется тонкая реалья: на протяжении значительной части истории Китая большинство населе-

Чжан Коу! Я твою руку схвачу, мне двадцать семь лет, а тебе двадцать, я хочу взять тебя в жены. Днем ты полешь фасоль, я кукурузу опрыскиваю. В засуху на кукурузе тля, шипит распылитель – как сердце мое шипит. Безгранично обширны поля, на юге высится гора Малого цикла, на вершине той горы лунный вырез, а в нем клубок белых облаков. Как же я хочу тебе сказать хоть словечко, но слева и справа стоят над тобой стражниками твои старшие братья. Босые в ногах и голые до пояса твои два брата, черны они, а ты в одежде, пот твой промочил одежду, какого ты цвета, расскажешь, Цзиньцзюй? Ты желтая, ты красная, ты золотая, у тебя цвет золотого слитка, у тебя сияние золотого слитка. Протяжно и мягко играет *эрху*, и Чжан Коу, выдержав паузу, заголосил:

Цзян Сюэцинь идет по мостовой
А ей навстречу прется поставой
Рука-то в золотых часах
Да шейка как чеснок длиной
И талия креветки у мальчика
Американка мать его да батька наш простой
А сын изводит род людской
Парнишка сучьи выпялил глаза

ния было функционально неграмотно и полагалось на профессиональных рассказчиков, которые передавали всевозможные истории и сюжеты. По примерным оценкам уровень неграмотности населения в Китае только по состоянию на 1949 год, когда к власти пришли коммунисты, составлял 80 %. Ситуация резко улучшилась как раз в 1980-х годах, когда, по результатам переписей населения, в 1982 году грамотность уже достигла 68 %, а в 1990 году – 78 %.

Волыны выставил перед собой

И, ухмыльнувшись, преградил он путь сестренке Цзян.

Ох-ох...

Уж дула маузеров ей уперлись в грудь бедой...

«...Маленькая ты с виду, а уродилась такой сильной, так что если выйдешь за Лю Шэнли²² – будешь нежным цветком на коровьей лепешке, будет это союз пестрой бабочки с навозным жуком. Я непременно возьму тебя за руку этим вечером, да, именно этим вечером! – Гао Ма сдвинулся еще на шаг влево, и вот он уже стоит плечом к плечу с Цзиньцзюй, он почувствовал: его штаны уже касаются штанов Цзиньцзюй. Он прикинулся беспечным, заглядывал в то открывающийся, то захлопывающийся рот Чжан Коу, рот этот ни единого звука не издавал, повсюду свист, кукурузные листья шуршали на ветерке, как шелестит мое сердечко. – Я лежу лицом вверх на кукурузном поле, гляжу через мечами устремленные в небо кукурузные листья на облака. А облаков-то и нет, они уплыли прочь, пылает солнечный свет, вобравшая в себя зной почва жжет мне спину, белый яд химикатов стекает в бусинки на ворсинках кукурузы, висит, не капает – словно слезы на ее ресницах... Клокочет волнами пшеница, затихает ветер – пропадают пшеничные волны. Слегка никнет головками спелая пшеница, две сороки обле-

²² Буквально – «Победа». В таких именах проявляется стремление быть «хорошими коммунистами». До сих пор у китайцев встречаются имена, обыгрывающие в той или иной мере коммунистическую символику.

тают колосья, разворовывая пшеницу, следуют птицы одна за другой, та, что сзади, все норовит ухватиться за хвост той, что впереди, щебечут и стрекочут они меж собой. Любопытный воробей летит за сороками, тоже чирикает вместе с ними. Воздух наполняет запах освобожденных из-под глубин соломы побегов чеснока. Цзыньцзуй в поле одна, выгибает она спину и жнет пшеницу, сует она пучок за пучком пшеницы меж своих ног, тяжело покачиваются пшеничные колосья, высоко задираясь над ее задом, точно толстый золотистый хвост петуха. Моя пшеница уже вся убрана, вязанками лежит она на земле, в щелях между участками стерни встречаются с солнечным светом ряды худосочной кукурузы, это подсев, пшеница его так подперла, что он зачах и пожелтел. Я бобылем хожу, мало мне на засеивание четырнадцать соток. Обратил я внимание на эту девушку с того самого времени, как в позапрошлом году демобилизовался и вернулся в родные края. Она некрасива. Конечно, некрасив и я. Конечно, глядеть на нее можно. Конечно, глядеть и на меня можно. Помню, когда меня забрали, она была еще совсем маленькой, тоненькой, а теперь она такая толстая. А мне как раз нравятся толстые. Мою пшеницу надо после полудня отнести домой. Я поднимаю руку и смотрю на часы, это марка «Драгоценный цветок» шанхайского производства²³, каждый день спешат они на двадцать секунд, сейчас на них 11

²³ Образное обозначение китайской марки часов, которые были популярны в 1970–1980-е годы.

часов 0 минут и 30 секунд, позавчера я по радио сверял часы. Каждый раз надо вычитать двадцать секунд, так что получается 11 часов 0 минут и 10 секунд, домой можно не спешить, как было и в минувшем году».

Гао Ма стоял за спиной Цзиньцзюй с серпом в руке, сердце переполняла жалость. Цзиньцзюй и не знала, что у нее за спиной кто-то, она продолжала гнуть спину и жать пшеницу. Вот и сороки вернулись издалека вместе с воробушком. В кармане у Гао Ма лежал магнитофон, на ушах были наушники. Батарейки садились, музыка похрипывала, но за душу брала. Не девушка, а цветок. Спина у нее и широкая, и ровная, на волосах блики. Тяжело дышала она. Необъятны, словно океан, чувства молодого мужчины. Он снял наушники, повесил их на шею, все еще слышна была искаженная музыка.

– Цзиньцзюй, – тихо позвал Гао Ма. Наушники сползли к шее, музыка щекотала кадык зудящей дрожью. Он слегка отодвинул наушники.

Цзиньцзюй медленно выпрямилась, залитое потом впоремешку с пылью лицо приняло черство-подавленный вид. Правой рукой девушка придерживала серп, левой зажала пригоршню пшеницы, глядела на Гао Ма и ничего не говорила.

Гао Ма смотрел на ее поношенную синюю форменную мужскую рубашку, а заодно на проступавшие под карманами рубашки очертания груди и тоже молчал.

Цзиньцзюй отбросила серп, разделила пшеницу, которую держала в руке, на два пучка, скрутила их и положила на землю, затем расставила ноги и вытащила зажатую между ляжками охапку, кинула сверху.

– Цзиньцзюй... А чего ты одна косишь?

– А что? Мои на ярмарку укатили. – Сказала она это тихо, тщательно вытирая рукавом пот с лица, а затем собранными в полукулаки руками стала слева и справа стучать себя по пояснице.

От умывания потом ее лицу вернулось немного белизны, к вискам прилипло несколько прядей волос.

– У тебя поясница болит?

Она беззвучно рассмеялась. На передних резцах у нее синеватые отметины, а остальные зубы сверкали белизной. На рубахе не хватало пуговиц, и под шеей открывался вид на бóльшую часть груди, Гао Ма даже углядел края крупных сосков, и сердце тотчас же заколотилось. Все там у нее было покрыто красными ссадинами от острых кончиков пшеничной соломы да еще заляпано белой пшеничной шелухой и темной пшеничной остью.

– Старший брат твой тоже на базар удрал? – спросил Гао Ма и сразу устыдился. Старший брат Цзиньцзюй хромал, ходил с трудом, потому на базар ездил всегда второй брат.

Цзиньцзюй равнодушно ответила:

– Нет.

– Так пусть поможет тебе.

Цзиньцзюй не ответила, подняла голову и взгляделась в солнце, которое так нещадно палило, что ее глаза сразу сощурились до узких щелочек.

Внезапно Гао Ма стало до слез жалко девушку.

– Сколько сейчас времени, братец Гао Ма? – поинтересовалась она.

Гао Ма взглянул на часы.

– 12:15. – И тут же добавил: – У меня часы немного спешат.

Цзиньцзюй стояла в профиль, разглядывала участок пшеничного поля, неслышно выдохнула.

– Все-таки хорошо тебе, братец Гао Ма, одному вольно живется, закончил дела – и гуляй в свое удовольствие. – Она вздохнула снова, развернулась, подняла серп.

– Не могу я с тобой болтать.

И, согнувшись, продолжила работу.

Гао Ма постоял рядом, тоже вздохнул, наконец, сказал:

– Давай-ка помогу тебе!

Цзиньцзюй тут же выпрямилась.

– Не надо, не надо, не хочу вас утруждать.

По ее лицу пробежала ярко-красная полоса.

Не сводя взгляда с Цзиньцзюй, Гао Ма произнес:

– Так я же тут все равно без дела торчу. Как не прийти на помощь соседке из-за стенки?

Цзиньцзюй потупилась и пробубнила:

– Тогда благодарю вас за хлопоты...

Гао Ма вытащил из кармана магнитофон, выключил его, снял с шеи наушники и вместе с магнитофоном положил на землю.

– Что у вас эта штучка напевает? – спросила Цзиньцзюй.

– Музыка играет, – ответил Гао Ма, подтягивая ремень.

– Хорошая?

– Неплохая, только батарейка скоро сядет, потом новую вставлю, дам тебе послушать.

– Я не смею, только вам переломаяю все, а возвращать мне нечем, – со смешком отозвалась Цзиньцзюй.

– Да штука некапризная, здесь все просто, – отмахнулся Гао Ма, – ломай сколько хочешь – я с тебя ничего не спрошу.

Пока болтали, оба нагнулись и заскрипели серпами. Цзиньцзюй шла впереди, Гао Ма – сзади. Цзиньцзюй срезала два ряда, Гао Ма срезал три ряда. Цзиньцзюй снопы вьет, Гао Ма их подбирает.

– Твоему бате-то не семь-восемь десятков, мог бы и подсобить тебе! – недовольно бросил Гао Ма.

Серп в руке Цзиньцзюй на мгновение замер.

– У нас дома гости...

Гао Ма услышал в ее словах привкус беспокойства и грусти и ничего больше не спрашивал, а еще ловчее принялся жать пшеницу. Пшеничные колосья, которые Цзиньцзюй зажимала между ляжками, то и дело хлестали его по плечам и лицу. Гао Ма скомандовал:

– Шустри давай, я жну три ряда, ты два, а еще дорогу за-

гораживаешь.

Цзиньцзюй ответила:

– Братец Гао Ма, я уже совсем без сил, – простонала она это чуть не плача.

Гао Ма отозвался:

– Оно и понятно, негоже такую работу женщине доверять.

– Всякая беда может на человека свалиться, – ответила

Цзиньцзюй.

– Если я обзаведусь женушкой, то будет она дома стряпать еду, шить одежду, кормить курочек и уток, никакой тяжелой работой на земле не дам я ей пятнать руки.

Цзиньцзюй глянула на Гао Ма, тяжело переводя дыхание.

– Счастливая это будет женщина.

– Цзиньцзюй, скажи мне: какого мнения деревенские обо мне?

– Ничего я не слышала.

– Ты не бойся, я любое словцо выдержу.

– Говорят... Ты только не злись... Говорят, что ты в армии что-то натворил...

– Так и есть, натворил.

– Говорят, что ты с женой командира полка... И командир вас застукал...

Гао Ма горько усмехнулся.

– Не с женой командира, а с ее сестрой, да и не любил я ее, а ненавидел, ненавидел их всех.

– А вы, наверное, человек, выдавший виды, – вздохнула

Цзиньцзюй.

– Хрень собачья, а не жизнь! – громко выругался Гао Ма. Положил серп, стянул колосья, выпрямился, лягнул вязанку и снова выбранился: – Да даже собачья жизнь была бы лучше. Ни хрена не стоит такая жизнь!

Задумался Гао Ма, и в тот же момент явился старший брат Цзиньцзюй, мужчина старше сорока с уже поседевшими волосами, морщинистым лицом и сухой, укороченной левой ногой, из-за которой он при ходьбе изрядно хромотал.

Рыкнул старший брат:

– Цзиньцзюй, ты что, сдохнуть в поле хочешь, чего домой не идешь на обед?!

Поднял старший брат руку, прикрывая глаза от солнца, поглядел в их сторону, и Гао Ма тихо проговорил:

– Что же твой брат так груб с тобой?

Цзиньцзюй закусил губу, и по щекам катились две крупные слезы...

«Я увидел, как ты заплакала, и мое сердце больше не знает покоя, Цзиньцзюй, я люблю тебя, я хочу взять тебя в жены... Год уже миновал, Цзиньцзюй, и всякий раз, когда я хочу с тобой заговорить, ты меня избегаешь... Я хочу спасти тебя из огненной пучины. Чжан Коу, спой еще с десятков строф – и я ее за руку схвачу... Пусть даже она завопит, пускай ее матушка встанет, повернется ко мне и обругает, даст затрещину мне. Она не завопит, она совершенно точно не завопит, она недовольна жалким браком, именно в тот са-

мый день, когда пришел наорать на нее брат, именно в тот самый день, когда я помог ей собирать пшеницу, ее родители заключили договор с дедом Лю Шэнли и родителями Цао Вэня²⁴ и связали трех парней с тремя девками одной цепью, будто те саранча на веревочке. Проклятый брак по обмену! Она же не чурается меня, она тянется ко мне, всякий раз, когда я с ней наедине, она всегда опускала голову и уклонялась от меня, но в зазоре между этими уклонами я вижу проблески слез у нее на глазах. Сердце-печенка-легкие-желудок-кишечник – все у меня внутри ноет... Командир, а командир! Отдавай скорее приказ – отправляй войско с горы Яркого блеска – спаси жизнь нашей сестрице Цзян – о плафон желтого походного фонаря расшиблись насмерть тучи зеленых букашек, сестрицу Цзян арестовали, все не на шутку встревожены тем, что будет с ней. Товарищи, надо оставаться хладнокровными – сердце у меня болит еще сильнее ваших за то, что сестрицу Цзян взяли, – старуха хлопнула по пистолетам, седые волосы плывут по ветру, слезы несутся из глаз²⁵, вещает Чжан Коу. Он поет: мужья наши сидят по лагерям – осталось поднимать революцию бедным вдовам и сиротам – Чжан Коу, спой-ка ты еще две строфы, еще две строфы, и я схвачу ее за руку, я чувствую ее жар, я учуял

²⁴ Такие «простые» имена, как ни странно, тяжелее всего расшифровывать в силу разнообразия возможных прочтений. Мой вариант – «Услужливая ученость».

²⁵ Отсылка к роману «Красная скала». В книге рассказывается о коммунистическом подполье в Чунцине во время гражданской войны между Гоминьданом и КПК.

кислинку пота у нее в подмышках. Революция не авантюра – надо действовать наверняка, обдумывать каждый шаг, закреплять каждую позицию».

Вмиг в голове у Гао Ма загудело, перед глазами вертящимся разноцветным облаком разлился свет фонаря. Он внезапно потянул руку, у руки точно собственные глаза появились, а ее рука, возможно, давно уже поджидала его руку. Он крепко ухватил ее руку, а глаза его уже ничего не видели, по телу пробежал озноб, на сердце все посерело и побелело.

Раздел второй

Вечером следующего дня Гао Ма стоял за скирдом, сбоку от гумна перед домом Цзиньцзюй, и напряженно ждал. Небо все так же наполняли звезды, на верхушке высоченного дерева повис изящной бровью молодой месяц, испуская еще более щедрое серебристое сияние, чем окружающие светила. Тот самый жеребенок цвета красного финика цокал копытами по краю гумна – цокал туда, цокал обратно. Южнее гумна – широкий ров, на пологих его склонах группами посажены кустарники аморфы. Жеребенок изредка сбегал на дно канавы и тотчас же выпрыгивал через кусты обратно – те шелестели в ответ. В доме Цзиньцзюй горели огни, отец Цзиньцзюй – четвертый дядюшка Фан – о чем-то громко разглагольствовал во дворе, четвертая тетушка вторила без умолку. Гао Ма наострил уши и слушал, но не мог разобрать, о чем они говорили. По соседству с домом Цзиньцзюй располагался дом Гао Чжилэна²⁶, там сотни попугаев орли до исступления. У Гао Чжилэна двор освещался газовым светом, свет ламп, белый и чистый, поднимался очень высоко. Семья Гао Чжилэна разбогатела на разведении попугаев, на всю деревню только его семья не зарабатывала на жизнь выращиванием побегов чеснока.

²⁶ Буквально – «Высокий прямой угол» или даже образное «Предельная отупелость».

Попугаи отвратительно кричали. Прошла, махая хвостиком, финиковая лошадка, ее глазки блестели в ночной мгле. Жеребенок мордой зачерпнул себе из скирда пшеничной соломы и принялся нехотя перемалывать ее. Гао Ма ощутил немного затхлый сладковатый привкус соломы. Он сдвинул половину стога, разглядывая ворота дома Цзиньцзюй. Ворота стояли плотно закрытыми, смутно-желтый свет фонарей пробивался между щелей. Он поднял запястье и посмотрел на часы, но те не светились в ночи, а потому ничего не было видно. Он предположил, что уже около девяти часов, зазвенели настенные часы дома у Гао Чжилэна, Гао Ма, пытаюсь не обращать внимания на гомон попугаев, начал считать: и правда девять часов. Затем он вспомнил о фильме *«Красное и черное»*, который им показывали в армии, сцене, когда бедный Жюльен Сорель отсчитывал удары церковного колокола, чтобы взять за руку жену мэра²⁷.

Накануне вечером он крепко схватил ее за руку, а она крепко схватила его за руку, и держались они друг за друга вплоть до глубокой ночи, а когда Чжан Коу закончил петь, нехотя разняли руки. В сутолоке, когда все расходились, Гао Ма шепнул:

– Завтра вечером буду ждать за скирдом, есть разговор.

Произнося это, он не смотрел ей в лицо и не знал, услыша-

²⁷ Возникает вопрос о том, какую из киноадаптаций *«Красного и черного»* видел Гао Ма. На эту «роль» могут с равной степенью вероятности претендовать сразу несколько версий, в том числе советская от 1976 года.

ла она или нет. Днем с тревогой на сердце мотыжил он землю, многократно перекапывая всходы и не обращая внимания на сорняки. Вернулся к себе, когда минула половина послеполуденного времени. Отыскал ножницы и подстриг себе бороду, выдавил два угря у крыльев носа, заодно ножницами соскоблил табачную копоть с зубов, затем куском мыла прошелся по голове, шее, а после ужина отыскал много дней оставшиеся без употребления пасту и щетку и еще разок прошелся по зубам.

Ор попугаев путал его мысли, Гао Ма уже несколько раз подходил к воротам дома Цзиньцзюй и безмолвно покидал их.

Лязгнули ворота дома Цзиньцзюй, сердце Гао Ма забилося бешеным барабаном, машинально запустил он руку по локоть в солому. Радостно пролетел рядом жеребенок цвета красного финика, ударилась, испугав Гао Ма, поднятая копытами глина о скирд.

– Куда ты собралась? Ночь на дворе! – донесся до Гао Ма окрик четвертой тетушки.

– Только стемнело, какая ночь? – Это был голос Цзиньцзюй. Услышав его, Гао Ма вдруг ощутил, как заерзало у него в печенке чувство вины.

– И где тебя потом искать? – снова крикнула четвертая тетушка.

– Я схожу на реку, проветрюсь! – ответила Цзиньцзюй, не выказывая ни капли слабину.

– Скорее возвращайся, – отозвалась четвертая тетушка.

– Ну не убегу же я!

«Цзиньцзюй, ах, Цзиньцзюй... – Это тихо стонет Гао Ма с распалившимися глазами. – Места я себе не нахожу с того момента, как наши руки встретились накануне, Цзиньцзюй, как же тебя ущемляют».

Сильно лязгнули ворота. Гао Ма вжался в скирд, высматривая смутную фигурку Цзиньцзюй. Предвкушал ее появление. А она пошла по улочке на север²⁸, в сторону низенькой песчаной насыпи. Он расстроился, бросился было бежать за ней, но передумал: вдруг Цзиньцзюй просто мать дурит.

Цзиньцзюй... Цзиньцзюй... Он опустил голову к стогу, к глазам подступила влага. Громко цокая, жеребенок все бежал позади Гао Ма, а попугаи все орали. На отдаленном поле к югу, в окруженном иссиня-черным вонючим камышом водоеме стенала тигровая лягушка, издавала она томный и глухой звук, не особенно приятно отдававшийся в ушах.

Он внезапно вспомнил поздний вечер три года назад, когда улизнул из казармы на свидание со свояченицей полкового – девушкой с маленьким носиком, веснушчатым лицом. Она тогда бросилась ему на грудь, кокетливо посмеиваясь. Он обнял ее, учуял запах ее подмышек. Он не любил ее, но

²⁸ Здесь косвенно подразумевается конкретный тип китайской застройки: так называемые *хутуны* – улочки, по которым строились традиционные дома-*сыхэ-юань*, представлявшие собой прямоугольную застройку по периметру центрального двора. Для облегчения навигации *хутуны* обыкновенно ориентированы на запад-восток, а небольшие дорожки ведут на север-юг.

не отпускал. В душе он клял себя на чем свет стоит: подленький человечиска, разыгрываешь к ней расположение, чтобы к зятю подлизаться. Судьба его потом подсидела, вот вам и воздаяние за содеянное.

«Однако к Цзиньцзюй я питаю всамделишную любовь, если бы она меня на смерть повела – я бы ничуть не колебался. Цзиньцзюй, ах Цзиньцзюй...»

Мимо опять промчался веселый жеребенок цвета красного финика. Вдоль края гумна, укрываясь от света звезд и прижимаясь к стене, шла Цзиньцзюй. Встрепенулось сердце Гао Ма, налетел на него трескучий мороз, застучали зубы, сколько он ни пытался их сжимать.

Зашла Цзиньцзюй за скирд, встала в двух шагах от Гао Ма и сказала:

– Братец Гао Ма... По какому такому делу ты меня просил... – Ее голос тоже дрожал.

– Цзиньцзюй... – Гао Ма ощутил, как окоченели губы, едва срывались с них слова. Он слышал, как хаотично билось его сердце, слышал, насколько напряженно, как и голос женщины перед ним, звучал его голос.

Гао Ма делано кашлянул.

Цзиньцзюй напугал его кашель, она даже отступила на несколько шагов и умоляюще проговорила:

– Ты... Не шуми...

Жеребенок шаловливо потерся брюхом о скирд, губами вытащил из стога солому, похрустел, а затем отправил пере-

жеванные ошметки им в лица.

– Здесь не место, пойдем в овраг, – сказал Гао Ма.

– Я не пойду, хочешь говорить – говори сейчас...

– Здесь не место.

Не отступая от края гумна, Гао Ма направился на юг. Дойдя до оврага, он встал, увидел, что Цзиньцзюй осталась стоять за скирдом. Только он хотел вернуться за ней, как она сама осторожно пошла к оврагу, тогда он вытянул руку и, раздвигая аморфы, спустился вниз, повернул голову и остановился, дожидаясь Цзиньцзюй. Когда она подошла к положому склону оврага, Гао Ма сделал шаг вперед и помог ей спуститься. Цзиньцзюй попыталась выхватить у него руку, но Гао Ма держал крепко, не отпускал. Вторую руку Гао Ма положил ей на тыльную сторону ладони. Осталась ее рука зажатой меж ладоней Гао Ма, давая ему гладить себя.

– Цзиньцзюй, я люблю тебя... – проговорил Гао Ма. – Выходи за меня!

Цзиньцзюй тихо ответила:

– Братец Гао Ма, неужто ты не знаешь, что меня выменяли на жену для брата!

– Знаю я, знаю, что против твоей воли.

Цзиньцзюй свободной рукой через силу вырвала зажатую ладонь.

– По моей это воле.

– Против твоей воли, Лю Шэнли уже сорок пять лет, с бронхами у него непорядок – хрипит, даже воду таскать не

может, ты вправду хочешь замуж за хрыча, по которому могла давно плачет?

Цзиньцзюй всхлипнула – вышло очень звучно – и тут же понурилась. Сквозь плач она сказала:

– Я не могу... Моему брату уже за сорок... Он же хромой... Цао Вэньлин же всего семнадцать, она краше меня...

– Брат – это брат, а ты – это ты, с какой стати ты должна себя в гроб загонять ради него! – взревел Гао Ма.

– Братец Гао Ма... Такая у меня доля... Ты еще найдешь себе порядочную... А я... если только в следующей жизни... – Цзиньцзюй прикрыла лицо и рванулась к зарослям аморфы. Гао Ма ухватил Цзиньцзюй за руку, притянул к себе, и тело Цзиньцзюй отпрянуло назад, падая в объятия Гао Ма.

Гао Ма крепко сжимал ее, ощущая пламя, которым ее податливый живот обжигал его. Его рот отправился на поиски ее губ, ее руки взметнулись к лицу, плотно прикрывая губы. Тогда Гао Ма припал к уху Цзиньцзюй, засосал ее мочку, ее пышные волосы рассыпались по его лицу, пропал ощущавшийся им всем телом холодок, в закромах души разгорелся огненный шар. Цзиньцзюй корчилась, словно ее охватил нестерпимый зуд. И вдруг ее руки ослабли, опустились на шею к Гао Ма, и Цзиньцзюй всхлипнула:

– Братец Гао Ма... Оставь мое ухо, мне это неприятно...

Губы Гао Ма переместились к ее губам, изо всей мочи вобрали в себя ее язык, она застонала, полились горячие слезы,

окропляя их лица. Из ее горла поднялось тепло – он уловил запах чеснока и трав. Его руки грубо скользили по ее телу.

– Братец Гао Ма... Полегче... Больно очень...

Сели они на пологий склон оврага, обнимались, ласкались, разглядывали сквозь промежутки между беспорядочной листвы аморфы выпавшие на темно-синий небосвод золотистые звезды. Завитушка молодого месяца пошла на спад. Рукотворный спутник перемещался вдоль Млечного Пути, и воздух неожиданно заполнил диковинный запах аморфы.

– За что ты меня любишь? – спросила Цзиньцзюй, задрав лицо кверху.

– Да за все сразу, – ответил Гао Ма.

Постепенно остыл ночной пыл, они успокоились и тихо разговаривали.

– Я – человек принципиальный, – с дрожью проговорила Цзиньцзюй. – То, что мы сейчас вместе, – разве это не преступление?

– Нет. Ничего такого мы не сделали. Мы любили друг друга.

– Я помолвлена.

– Супругами люди становятся по закону только после регистрации брака.

– Значит, у нас все еще может сложиться?

– Может. Возвращайся домой, скажи отцу, что не согласна, не пойдешь на брак по обмену.

– Нет-нет, – забормотала Цзиньцзюй, – отец и мать убьют меня... Много сил они потратили на то, чтобы меня выкормить...

– Значит, ты хочешь за полустарикашку с больными бронхами?

– Я боюсь. – Цзиньцзюй снова заплакала. – Мама говорит, что если я не соглашусь, то она проглотит яд...

– Это она тебя пугает!

– Не тебе судить о нраве моей матушки.

– Да пугает она тебя!

– Братец Гао Ма, вот была бы у тебя была младшая сестра, тогда бы посулили ее моему брату и разменяли меня тебе в жены.

Гао Ма вздохнул, погладил ее по холодному плечу, в носу у него стало кисло.

– Братец Гао Ма, а что, если мы тайком будем встречаться, дождемся, когда он помрет, и тогда я выйду за тебя?

– Нет! – сказал Гао Ма, снова целуя ее и чувствуя, как снова разгорается у нее в животе огонь.

У них над головами вытянулась пушистая морда, обдувая им загривки тяжелым дыханием и травянистой отрыжкой.

Они перепугались до полусмерти, напрягли взгляды и поняли, что это хулиганила с ними все та же лошадка цвета красного финика.

Раздел третий

Потом уже Цзиньцзюй показала Гао Ма определивший ее судьбу брачный договор. Сидели они дома у Гао Ма, дело было к полудню – одному из полудней через месяц после их тайного свидания в зарослях аморфы – с той ночи он и она практически каждый вечер втайне встречались, сначала в овраге, потом в поле, прятались они на цветущей ниве, глядели, как в облачных высях сменяли друг друга полная луна и убывающая луна, наливались серебристо-розовым цветом посевы, стрекотали насекомые, капля за каплей скатывалась с хлебов роса, увлажняя иссушенную землю. Она плакала – он смеялся, он плакал – она смеялась, истощило пламя любви обоих, однако в глазах все равно искрился уголек, от которого в человеке разгорается пожар. Цзиньцзюй устраивали выговоры, до Гао Ма докатились через вторые уста слова четвертого дядюшки Фана: «Скажи Гао Ма, что между нашей семьей и ним в последние дни никакой неприязни не было, в прошлые дни никакой вражды не имелось, пускай уж прекратит гадости, только дела расстроит!» Цзиньцзюй быстрым ветерком шмыгнула в дверь, притаилась и поглядывала оттуда, точно ее кто-то преследовал.

Гао Ма пошел к ней, помог сесть на край *кана*. Она дрожащим голосом спросила:

– Никто к нам не зайдет?

– Никто. – Гао Ма налил и подал ей черную пиалу с кипяченой водой. Цзиньцзюй приняла ее, приложилась к пиале, оставила на стол.

– Никого здесь не будет, ты не бойся – а даже если будет, то мы же не прячемся, у нас все честно и открыто.

– Принесла. – Цзиньцзюй нащупала в кармане сложенный красный лист бумаги, кинула его на стол. Согнулась, рухнула на *кан*, спрятала лицо в изгибе локтя и громко расплакалась.

Гао Ма мягко похлопал ее по спине, попытался утешить, что оказалось невозможно, и наконец взял лист со стола, развернул его, проглядел написанное черным по красному:

«В благоприятный день десятого числа шестого месяца тысяча девятьсот восемьдесят пятого года Лю Шэнли, старший внук Лю Цзяцина, и Фан Цзиньцзюй, дочь Фан Юньцюня, Цао Вэньлин, вторая дочь Цао Цзиньчжу, и Фан Ицзюнь²⁹, старший сын Фан Юньцюня, Лю Ланьлань³⁰, вторая внучка Лю Цзяцина, и Цао Вэнь, старший сын Цао Цзиньчжу, во имя обеспечения нерушимых уз между тремя семьями договорились о помолвках. Взятые обязательства будут исполнены безо всяких сомнений, даже если все реки и все моря пересохнут. Подписи: Лю Цзяцин, Фан Юньцюнь, Цао Цзиньчжу³¹».

²⁹ Буквально – «Единый владыка».

³⁰ Буквально – «Благоуханная орхидея».

³¹ Буквально – «Семейное торжество», «Облачная осень» и «Золотой столп».

Имена трех подписантов еще скрепляли отпечатки больших пальцев цвета вороньего крыла.

Сложив брачный договор, Гао Ма спрятал бумагу в карман. Затем он открыл ящик, полистал брошюрку и сказал:

– Цзиньцзюй, не плачь, я тебе сейчас почитаю из Закона «О браке». В статье третьей записано: «Запрещены браки поговору, браки в форме купли-продажи и иные действия, посягающие на свободу вступления в брак». А вот статья четвертая: «Брак предполагает полное взаимное согласие мужчины и женщины, не допускаются какое-либо принуждение с обеих сторон, а равно вмешательство третьих сторон». Это общегосударственный закон, в нем силы поболее будет, чем в этой дрянной бумажке, не о чем тебе печалиться³².

Цзиньцзюй села, потянулась за подолом рубахи, чтобы протереть глаза.

– Я не осмелюсь перечить отцу и матери...

– А что здесь трудного? Так и скажи: «Папка, мамка, не мил мне Лю Шэнли, не хочу за него замуж».

– Тебе легко говорить! Считаешь, что справишься, – сам иди и скажи, посмотрим, что будет!

– Думаешь, не смогу? – гневно заявил Гао Ма. – Этим же вечером приду к вам и все им выскажу, твой папаша и братцы пальцем меня не тронут!

³² Ирония заключается в том, что этот закон был принят еще в 1950 году, однако в силу масштабов Китая, разумеется, применять его на всей территории даже в 1980-е годы было проблематично. Далекое от столицы село все равно живет своими устоями.

Вечер выдался облачный, безветренный и душный. Гао Ма, кое-как проглотив остатки вчерашнего риса, пришел, встал на песчаной насыпи за домом, на душе вдруг стало пусто. Солнце заходило алеющей половинкой арбуза, сплошным красным слоем окрасились обрывки облаков у горизонта, макушки софор и ив, даже легкого ветерка не было, и дым из кухонных труб возносился вверх столбами, они рассеивались у самого поднебесья, сливаясь в единую глыбу. Он засомневался: идти домой к Цзиньцзюй или нет? Если идти, то с чего начать разговор? У него перед глазами проплыли злобные черные морды братьев Фан и заплаканное лицо Цзиньцзюй. Он сошел с песчаной насыпи, пошел на юг по улочке. В обычные дни такая длинная улочка мгновенно стала короткой – в несколько шагов одолел он ее, лелеял надежду, что улочка хоть чуть-чуть удлинится, хоть чуть-чуть вытянется.

Встал Гао Ма в воротах дома Цзиньцзюй, в душе еще сильнее пустота, несколько раз поднимал он руку и опускал несколько раз. В сумерках бешено орали попугаи Гао Чжилэна, точно подначивая его. Бегал по гумну все тот же жеребенок цвета красного финика, на шею ему повесили новенький колокольчик, «дзинь-дзинь-дон», тренькал он по округе, вдали заржала старая лошадь, и красный жеребенок стрелой полетел прочь, оставляя позади себя вереницу перезвонов.

Гао Ма сжал челюсти и, чувствуя, как закружилась голова, постучал в ворота семейства Фан.

Открыл ему Фан Исян³³, второй брат Цзиньцзюй, паренек нескладный и неуклюжий. Он злобно глянул на Гао Ма.

– Это ты? Зачем пришел?

Гао Ма улыбнулся.

– Да так, в гости зашел.

Обойдя Фан Исяна, он прошел во двор. Семейство Фан как раз собралось на ужин за столом во дворе, лампу не выставили, вокруг стола висела непроглядная темень, не разглядеть было, чем уставлен стол. Гао Ма вышел вперед и, сохраняя на сердце робость, поинтересовался:

– Четвертый дядюшка, четвертая тетушка, вы уже поужинали?

Четвертый дядюшка громко фыркнул, а четвертая тетушка не холодно, но и не тепло отозвалась:

– Только сели. Сам уже поел?

Гао Ма ответил, что поел. Тут же четвертая тетушка грубо распорядилась, чтобы Цзиньцзюй зажгла свет.

Четвертый дядюшка с еще большей неприязнью процедил:

– К чему свет прожигать! Носов, что ли, нет, чтобы отыскать съестное?

Цзиньцзюй прошла в дом, зажгла и принесла светильник под колпаком, поставила его в центр стола.

Гао Ма увидел выложенную на столе корзинку из ивовых прутьев, в корзинке лежала стопка лепешек, рядом стояла

³³ Буквально – «Однобокий», в смысле «однобокое желание».

миска с подливой. На столе беспорядочно навалена кучка побегов чеснока.

– Может, съешь чего-нибудь? – предложила четвертая тетушка.

– Наелся уже, – ответил Гао Ма. Он обратил внимание, как оцепенело сидела, опустив голову и не притрагиваясь к съестному, Цзиньцзюй. Фан Ицзюнь и Фан Исян, напротив, взяли по лепешке, смазали их подливой, положили сверху побеги, сложили трубочками, зажали в руках и принялись с хрустом и чавканьем жевать – только мускулы на лице ходуном ходят. Четвертый дядюшка Фан держал в зубах курительную трубку и, попыхивая ею, в оба глаза злобно косился на Гао Ма.

Четвертая тетушка же, глядя прямо на Цзиньцзюй, прикрикнула:

– А ты чего не ешь? Чего расселась? Рецепт пилюли бессмертия придумываешь, чтобы провидицей стать?

Цзиньцзюй ответила:

– Я не голодна.

– Все твои подлые задумки мне известны, и ничего у вас не выйдет, – заявил четвертый дядюшка.

Цзиньцзюй, посмотрев на Гао Ма, объявила:

– Я не хочу, я не пойду за Лю Шэнли.

– А тебя никто не спрашивал, полудурка! – прикрикнул четвертый дядюшка, стуча чашечкой трубки по столу.

– А за кого пойдешь? – спросила четвертая тетушка.

– За Гао Ма! – заявила Цзиньцзюй.

Тут Гао Ма поднялся и завел речь:

– Четвертый дядюшка, четвертая тетушка, в Законе «О браке» сказано...

Не успел он и начать, как услышал вопль четвертого дядюшки:

– Всыпьте от меня этому выродку! В дом пришел нас срамить!

Братья Фан побросали лепешки, выхватили табуретки из-под задниц, кинулись вперед и принялись без разбору и без зазрения совести лупить Гао Ма. Табуретки чавкали по плоти. Отбиваясь, Гао Ма крикнул:

– Не по закону бить человека! Не по закону!

– Какой здесь закон? Тебя убить мало, – отозвался Фан Ицзюнь.

Плача, Цзиньцзюй бросила:

– Гао Ма, беги скорее!

Гао Ма, отирая кровь со лба, проорал:

– Ну и бейте, доносить не буду, а чувства наши с Цзиньцзюй не растопчете.

Четвертая тетушка, перегнувшись через стол, ударила Цзиньцзюй скалкой по лбу.

– Бесстыжая, как ты матушку разгневала!

Четвертый дядюшка вопил во весь голос:

– Гао Ма, я отымел всех твоих предков! Забыю ее до смерти, чтобы она тебе женой не стала.

Гао Ма стер кровь с брови и сказал:

– Четвертый дядюшка, меня бейте сколько хотите, я все снесу с радостью, но если вы на Цзиньцзюй руку поднимите, то я на вас заявлю куда надо.

Четвертый дядюшка взмахнул трубкой и стукнул ею по голове Цзиньцзюй. Та ойкнула и повалилась на землю.

– Иди куда хочешь со своими жалобами, Гао Ма! – заключил четвертый дядюшка.

Гао Ма хотел было броситься к Цзиньцзюй, помочь ей подняться, и тут Фан Исян повалил его табуреткой.

Когда Гао Ма пришел в себя, он обнаружил, что лежит на улице, посреди улочки. Что-то мохнатое застилало ему лицо, это была та самая лошадка цвета красного финика. Несколько звездочек жалостливо сияли между наслоений облаков. Все так же громко орали попугаи Гао Чжилэна. Гао Ма поднял руку и дотронулся до гладкой, как шелк или атлас, шеи жеребенка. Тот потерся мордой о тыльную сторону его руки, медный колокольчик на шее лошадки радостно зазвенел.

На следующий день после побоев Гао Ма отправился в волостное правительство, нашел местного помощника по гражданским вопросам Яна.

Захмелевший помощник восседал на изодранном диване и булькал чаем. Увидев вошедшего Гао Ма, он никак его не поприветствовал, а только вылупил на него отупело округленные глаза.

Гао Ма объявил:

– Помощник Ян, Фан Юньцзюнь в нарушение брачного закона понуждает дочь выйти за Лю Шэнли, Цзиньцзюй повиноваться не хочет, так он ей за это трубкой лоб разбил.

Помощник по гражданским вопросам с трудом отставил чашку на квадратный столик подле дивана и холодно усмехнулся.

– Гао Ма, кем тебе Цзиньцзюй приходится?

Промычав некоторое время, Гао Ма наконец заявил:

– Невеста она мне.

– Насколько мне известно, Фан Цзиньцзюй – невеста Лю Шэнли, – заметил помощник Ян.

– Так это против ее воли, она того не хочет.

– Не тебе на это жаловаться! – парировал помощник по гражданским вопросам. – Пускай Фан Цзиньцзюй сама приходит – тогда я возьмусь за дело.

– Батя ее из дому не выпускает.

– Пшел вон отсюда. – Помощник по гражданским вопросам замахал руками, точно муху отгонял. – Нет у меня времени с тобой разговоры разговаривать.

Когда Гао Ма все-таки воспротивился, в кабинет молнией влетел сгорбленный мужчина средних лет с бледным лицом и синюшными губами, которые придавали ему вид человека, только начинающего оправляться после тяжелой болезни.

Гао Ма увернулся, увидел, как вошедший достал из черного портфеля и выложил на стол бутылку спиртного и банку рыбных консервов, спрашивая:

– Восьмой дядюшка, слышали, какая заварушка случилась у семьи Фан?

Помощник по гражданским вопросам не ответил на вопрос племянника, а подошел к Гао Ма, пальцем ткнул того в голову и, расплывшись в улыбке, поинтересовался:

– У тебя все с головой в порядке?

Рана Гао Ма тут же сжалась, заходясь болью, в голове все притупилось, в ушах все загудело, он сказал – он услышал, как по-бабски тонко и пронзительно прозвучал его голос:

– Упал я, голову разбил.

– Упал, потому что тебя били? – все так же улыбаясь, уточнил помощник по гражданским вопросам.

– Нет, – отозвался Гао Ма.

– Ну не щенки ли братья Фан! – Улыбка покинула лицо помощника, сменяясь гневным оскалом. Он огласил: – Если бы я был на их месте, то я бы отбил твои сучьи ноги, заставил тебя ползком домой возвращаться!

И помощник по гражданским вопросам что есть силы плюнул в Гао Ма. Гао Ма поднял руку и утерся, а помощник схватил его под руку, выпихнул за дверь и с громким стуком закрыл дверь. Размахивая руками, Гао Ма запрыгал по цементным ступеням, стараясь сохранить равновесие, – и все-таки не упал. Он оперся о стену, голова кружилась, небо и земля поменялись местами, только через какое-то время башка немного прошла. Гао Ма поднял взгляд на зеленую дверь, и в спутанных комком клейстера мыслях неспеш-

но проступила трещина, он принялся эту щель расширять изо всей мочи, изо всей мочи... В ушах все жужжало, трещина сомкнулась, и все за пределами него будто лишилось тела при сохранении формы, теплая жидкость из-под черепа заскользила вниз, скользнула, собираясь в пазухах носа, скользнула, скользнула, он и силился ее удержать, да не смог, брызнула жидкость из носа, полилась в рот, наводняя его вялой сыростью, опустил Гао Ма голову, и закапала, падая на бледные цементные ступени, красная кровь.

Раздел четвертый

Гао Ма в полузабытьи лежал на *кане*, не понимая, сколько прошло времени, он уже не помнил в точности, как он из двора волостного правительства вернулся к себе; единственное, что удерживалось в его памяти, – то, как беззвучно капали на белые цементные ступени капли алой крови из носа... Кровь алым бисером падала на белые ступени, разбивалась о них, разлетаясь брызгами... Кроваво-красный жемчуг вишенками опускался на ступени, разбивался о них, разлетаясь брызгами... Тот самый чахлый мужичок средних лет за той зеленой дверью что-то ворчливо бормотал, а голос его казался таким далеким. Поначалу Гао Ма даже с некоторым удовлетворением наблюдал за тем, как красиво разбивались о ступени кровавые шарики, разлетаясь брызгами. Кровавый жемчуг сложился в единую нить, пыл со всего тела собрался воедино, бурным потоком устремляясь прочь из носа, пока цементные ступени не обернулись лужей. Сквозь сыровато-сладкий вкус крови кончик его языка прикоснулся к очоленевшим губам, и голова вновь пошла трещиной, жеребенок цвета красного финика своими ясными, как горный хрусталь, глазками смотрел на него из буйно расцветшей желтым рассадой подсолнухов во дворе волостного правительства. Гао Ма испугался, нетвердой походкой направился туда. Подсолнухи развернули свои соцветия, тоскливо взгляды-

ваясь в него. Теплая тоска. Такое яркое солнце. Взявшись за твердо стоявший разросшийся грубый стебель подсолнуха, Гао Ма почувствовал, как заколыхалась над ним тяжелая головка подсолнуха. Когда он опустил голову, чтобы рассмотреть подсолнух, солнечный свет острыми иглами впился ему в глаза. Он нарвал листьев с подсолнуха, смял их в два кома и заткнул ими ноздри. Горячая кровь скапливалась в пазухах, голову распирало, вялый соленый вкус разлился по всему рту, и он понял, что кровь потекла в глотку. Вот как связаны те семь отверстий, которыми мы воспринимаем мир³⁴.

Очень хотелось кулаками раздолбать зеленую дверцу, но у него не было сил. Уже потом Гао Ма догадался: более пятидесяти человек во дворе волостного правительства – чиновничьи, работающие по-черному, ответственные за водопользование, ответственные за дела женщин, ответственные за противозачаточные средства, ответственные за сбор налогов, ответственные за сообщение и связь, пьющие алкоголь, жрущие мясо, хлебающие чай, сосущие табак – более пятидесяти человек благодушно наблюдали за тем, как он, шатаясь из стороны в сторону и уподобившись травинке, уподобившись побитому псу, покидал двор волостного правительства. Он оперся о цементные столбы ворот, чтобы отдышаться, измазал окровавленной рукой деревянную вывеску с красными словами по белому фону. И, только когда он утирал кровь, стоявший стражем на воротах юноша в цветной

³⁴ Эта образная формула охватывает уши, глаза, ноздри и рот.

рубашке ударил по спине. До него смутно донеслись бранные слова Цветной рубашки:

– Сволочь! Чего ты тут своей псиной кровью все пачкаешь? Гадина! Не место здесь псиной крови!

Гао Ма отступил на шаг, поглядел на вереницу слов поверх длинной деревянной дощечки, и в сердце разгорелось пламя гнева, он прекрасно понимал, что негоже было кровью изгваздать деревянную вывеску, но в душе все пуще полыхал огонь. Он набрал полный рот кровавой слюны и плюнул ею в Цветного. Тот был здоров телом и проворен в движениях, видимо, прошедший закалку в бою, – парень легонько отпрыгнул в сторону и увернулся от плевка.

Цветная рубашка стал надвигаться на него.

Гао Ма снова набрал полный рот слюны и нацелился уже в худое лицо Цветной рубашки.

Властный голос раздался из двора волостного правительства:

– Ли Те, что делаешь?

Он заметил, как покладисто опустил руки Цветная рубашка.

Слюну с кровью Гао Ма сплюнул на землю и, не обращая более внимания на Цветного, двинулся вперед. Ведшая в уездный центр асфальтовая дорога заливала все в его поле зрения голубым светом, блуждающими огоньками светились глаза старика, на обочине торговавшего арбузами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.